

И.В. Тубалова

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В СОСТАВЕ АРХИВА А.Д. ГРИГОРЬЕВА (ПРАЖСКАЯ СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА)¹

Аннотация. *Статья представляет аналитическое описание сибирских диалектологических материалов основателя Томской диалектологической школы А.Д. Григорьева, хранящихся в Славянской библиотеке – подразделении Национальной библиотеки Чешской Республики (Прага). Содержание и форма представления этих материалов отражают исследовательские установки автора и могут быть востребованы в современной лингвистике для изучения как динамики развития диалектологии и лингвистики в целом, так и принципов формирования парадигмы полевых исследований. Материалы могут быть интересны историкам, этнографам и др., так как отражают широкий исследовательский кругозор их автора.*

Ключевые слова: *А.Д. Григорьев, архив, диалектология, лингвистическая методология, полевая лингвистика.*

Александр Дмитриевич Григорьев – русский этнограф, историк, диалектолог, фольклорист, общественный деятель – является основателем диалектологического направления, активно развивающегося в Томском государственном университете в настоящее время. О.И. Блинова, последнюю четверть века руководившая Томской диалектологической школой и являвшаяся одним из самых активных ученых-идеологов, продолживших дело А.Д. Григорьева, пишет: «Год основания научной школы – 1917-й. Основоположник школы – первый декан историко-филологического факультета Томского государственного университета (ранее Императорского), заведующий кафедрой русского языка и словесности профессор А.Д. Григорьев. Он провел первые диалектологические экспедиции в села бывшей Томской

---

¹ Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.10.2020 «Подготовка контента для электронной энциклопедии “Словесная культура Сибири”» (институциональные уровни функционирования словесной культуры в регионе)», выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

губернии, заложил основы диалектологических штудий» [1. С. 125]. А.Д. Григорьев работает в Томске с 1917 по 1922 г. [2].

Биография, научная деятельность и характер исследовательских материалов А.Д. Григорьева нашли отражение в ряде исторических и историко-литературных работ [3–8 и др.], в том числе – в отдельной статье энциклопедического издания «Профессора Томского университета» (авторский коллектив под руководством С.Ф. Фоминых) [2], а также в алфавитном указателе «Русская эмиграция в Польше 1919–1945» (составители – А.Р. Мохоля, П.М. Лавриненц) [9].

Диалектологическая деятельность А.Д. Григорьева отличается не только значимыми результатами в изучении фольклора и народной речи, но и активностью в продвижении диалектологии как научного направления, распространении его идей. Так, В 1903 г. А.Д. Григорьев выступает с инициативой о создании Московской диалектологической комиссии (создана в 1904 г.; с 1919 г. – Постоянная комиссия по диалектологии русского языка), поддержанной московскими лингвистами, в том числе – Д.Н. Ушаковым [3. С. 698]. В период работы в Томске А.Д. Григорьев становится организатором и первым председателем Общества этнографии, истории и археологии (1917 г.) [2. С. 88–89], одним из аспектов деятельности которого становится организация сибирских диалектологических экспедиций.

Несколько наиболее значимых диалектологических работ А.Д. Григорьева опубликованы в изданиях Томского государственного университета: например, «Русские говоры западной половины Николаевского уезда Самарской губернии» [10], «Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири: Северно-великорусские и средневеликорусские говоры» [11], «Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров» [12].

Биографические сведения об А.Д. Григорьеве [2, 4] указывают на то, что в Томский университет он прибыл уже сложившимся диалектологом, вооруженным значительным экспедиционным и исследовательским опытом. О своих исследовательских намерениях, связанных с Томским периодом работы, позже он напишет: «Оказавшись первым представителем кафедры русского языка и словесности в Томском университете, я поставил себе целью изучить мало известные еще в науке русские говоры Сибири, насколько позволяют мои силы, небольшое количество сво-

бодного времени (при исполнении обязанностей по своей кафедре, деканству, проректуре и замещению родственных профессур) и создавшаяся обстановка (гражданская война и внутренние фронты)» [13. С. 26].

Сибирские диалектологические изыскания определили содержание научной и преподавательской деятельности А.Д. Григорьева в Томском университете [2. С. 89]. Здесь в 1921–1922 гг. он читает специальный курс по диалектологии «Русские старожильческие говоры Сибири», ведет исследование русских говоров Сибири, является организатором и активным участником экспедиционной деятельности [13. С. 30] (результаты его томских диалектологических исследований опубликованы позже в отдельной монографии «Русские старожильческие говоры Сибири» [13]).

Материалы, собранные в рамках этих экспедиций, послужили основой для дальнейшего исследования русских говоров Сибири, которые А.Д. Григорьев продолжил в Чехословакии [2. С. 89], где он провел последние годы жизни – после выхода в отставку [Там же. С. 88].

Именно в Праге хранится его личный рукописный и машинописный архивный фонд, вызывающий особый исследовательский интерес и обычно обозначаемый как «пражский архив» [6, 8 и др.]. Пражский архив А.Д. Григорьева составляют собрание старорусских рукописей, личный архив, подготовленные к печати труды, подготовительные материалы к исследованиям и другие материалы [8].

Наиболее значительная его часть хранится в Архиве чешской Академии наук [6, 8, 14]. Меньшая часть пражского архива А.Д. Григорьева размещена в Славянской библиотеке – подразделении Национальной библиотеки Чешской Республики (Клементинум, Прага). Именно здесь находятся сибирские диалектологические материалы, которые являются объектом нашего описания в данной статье.

Общая характеристика собрания старорусских рукописных книжных памятников из пражской коллекции А.Д. Григорьева представлена в работе А.В. Флоровского [8]. Большая часть хранящихся в пражском архиве памятников старорусской письменной традиции была собрана А.Д. Григорьевым в Архангельской губернии. Небольшая их часть (6 памятников) была приобретена исследователем в Томске. Они включают рукописи как светские, так и культового содержания. Рукописи распределены самим А.Д. Григорьевым по группам в зависимости от места их приобретения и содержания [Там же].

Диалектологические материалы А.Д. Григорьева, представляющие факты фиксации обыденной устной речи носителей русских старожильческих говоров Сибири первой трети XX в., практически не описаны в отечественном научном контексте и в исследовательский оборот не введены. Часть материалов такого типа входит в состав пражского архива ученого.

Охарактеризуем диалектологические материалы той части пражского архива, которые хранятся в Национальной библиотеке Чешской Республики. В их составе – несколько экземпляров печатного издания «Программы для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири: северновеликорусские и средневеликорусские говоры» и рукописные записи речи сибиряков, сделанные в рамках диалектологических экспедиций.

1. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири¹.

Данное сочинение впервые было издано в Томске, в журнале «Известия Томского университета» (Томск: Типография Всероссийской академии Генерального штаба, 1919) [11]. Как отмечает сам автор, создано данное сочинение им на основании программы, составленной Московской диалектологической комиссией по северновеликорусским и средневеликорусским говорам в 1911 г.: «В ней мною сделаны только необходимые для Сибири изменения и добавления» [Там же. С. 2].

Архивные экземпляры Программы представляют собой оттиски [15] из указанного журнала [11]. На титульной странице издания под основным заголовком в скобках размещен указывающий на это подзаголовок: «Оттискъ изъ Извѣстій Томскаго Университета» [15]. Конкретные экземпляры содержат рукописные пометы.

1.1. Сам текст включает введение, подписанное автором, и список вопросов к респондентам. Данный текст был составлен автором еще в Томске и предназначен для предъявления респондентам с дальнейшей фиксацией их ответов на разработанные с учетом специфики объекта исследования (Сибирские говоры) вопросы.

Текст Программы представлен в графике и орфографии, принятой до реформы 1917–1918 гг. (включает букву «Ѣ», «І», а также «Ъ» на

---

¹ Далее – Программа.

конце слов). Печатный экземпляр Программы представляет собой брошюру из 10 листов; текст размещен на 16 страницах.

Первая часть Программы представляет небольшое (одна страница) введение, написанное от имени А.Д. Григорьева и обращенное к респондентам. Автор достаточно эмоционально и лично (с использованием персонифицированной «Вы»-формы) призывает их поучаствовать в исследовательской деятельности: «Русские говоры Сибири почти не изучены. Приступая к изучению их и к составлению диалектологической карты русского языка в Сибири, в надежде на Ваше благосклонное содействие, я обращаюсь к Вам с просьбой сообщить мне сведения об особенностях русского языка той местности, где Вы живете или жили» [15. С. 2].

Далее автор дает инструкцию по заполнению представленной в Программе анкеты. Стиль инструкции также отражает априорную признательность автора за проделанную респондентами работу: «Я буду благодарен Вам за всякое сообщение, как подробное, так и краткое, но убедительно прошу прежде всего дать точные ответы на прилагаемые вопросы, хотя бы эти вопросы и казались Вам несущественными, а затем, если Вы найдете возможным, дополнить свои ответы и другими сведениями <...> Если Вы не имеете времени для полного ответа, можете ограничиваться подчеркиванием и исправлением в программе примеров, соответственно известному Вам говору» [15. С. 2]. В то же время в инструкции фиксируются четкие профессиональные установки диалектолога, отражающие направленность на реализацию научных идей автора: «Старайтесь писать так, как произносят, не стесняясь общепринятым правописанием и обязательно отмечая ударения <...> Прислушивайтесь к языку старожилов, староселов и новоселов, а не временно проживающих у Вас. Если есть разница в говоре известных Вам селений, то, приводя примеры, будьте добры всякий раз указывать, от жителей какого именно селения Вы его слышали» [Там же].

Введение завершается просьбой, отражающей внешнюю специфику экспедиционной деятельности того времени: «Ввиду того, что, вследствие дороговизны печатания и бумаги, программа печатается в ограниченном числе экземпляров, очень прошу возвращать программу даже в том случае, если она не будет заполнена» [15. С. 2].

Собственно анкетная часть Программы состоит из двух общих вопросов и 87 частных вопросов, касающихся конкретных особенностей говорения.

Первый из общих вопросов – паспортизирующий: просьба дать сведения о названии населенного пункта, к которому относятся ответы, его географическом положении («назовите ближайшую железнодорожную станцию (или паромную пристань) и почтовое отделение и укажите приблизительное расстояние от станции и от уездного города» [15. С. 3]) и особенностях формирования его населения («отметьте, откуда и когда явились жители описываемого селения» [Там же]). Второй общий вопрос направлен на дифференциацию окающих и акающих говоров («Говорят ли у Вас на *о* или на *а*, т.е. произносят **воды**, **домой** или **вады**, **дамой**?» [Там же]). К этому вопросу добавлен инструктивный компонент, связанный с выбором той части анкеты, с которой предстоит работать респонденту, – в зависимости от типа описываемого говора («Если у Вас говорят на *о*, то отвечайте на вопросы с 3 по 13 и с 17-го до конца, а если у Вас говорят на *а*, то отвечайте на вопросы с 14 до конца» [Там же]).

Частные вопросы делятся на 3 части: 1) «Вопросы для окающих говоров» [15. С. 3], 2) «Вопросы для акающих говоров» [Там же. С. 5] и 3) «Вопросы, общие для всех говоров» [Там же. С. 8]. Части 1 и 2 представляют вопросы, направленные на выявление фонетических особенностей, отражающих, по мнению А.Д. Григорьева, специфику окающих и акающих говоров. Третья часть составлена из вопросов, обнаруживающих специфику говоров в фонетическом (независимо от их окающего / акающего типа), грамматическом и лексическом аспектах.

Формулировки вопросов отражают результаты адаптации московской программы к сибирскому материалу и представляют собой, несмотря на скромное замечание автора (см. выше), продукт огромных исследовательских изысканий ученого. Так, само разделение вопросов, направленных на выяснение фонетической специфики исследуемых говоров, на два типа отражает гипотезу исследователя о наличии в данном регионе как окающих, так и акающих говоров. Основную цель своей работы, осуществляемой при использовании данной Программы, А.Д. Григорьев обозначает как «выяснение общего распределения русских говоров старожилого населения Сибири и общего характера их (оканья и аканья)» [13. С. 29].

В конкретных вопросах отражаются результаты предварительных выводов об особенностях сибирских говоров: фонетических «Произносят ли у Вас в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, *о* всегда как *о*, или не всегда...?»¹ [15. С. 3], «Произносят ли: бере-гу, перенёс, или бирягу, пирянёс, или как-нибудь иначе?» [Там же. С. 4] («Какие звуки произносятся вместо *о*, *а* в слогах после ударения: а) не в конечном слоге: **борыды**, из **горыда**, в **горыде**, **этыва**, **дурычка**, **палычка**, или: **борады**, из **горада**, в **гораде**, **этава**, **дурачка**, **палачка**, или с неясным звуком?» [Там же. С. 6], и под.); грамматических («Не говорят ли у Вас косить трава, топить баня, вода принести, шуба надеть?» [Там же. С. 15], «Употребляется ли у Вас деепричастие в значении сказуемого, т.е. говорят ли: он *уехатчи*, ему на пятый десяток *пошотчи*, много денег было *оставиши*, корова была *теливиши*, замуж *вышотцы* вместо: он уехал, ему пошло на 5-й десяток... осталась... телилась... вышла? Приведите побольше примеров. – Нет ли разницы в значении между этими оборотами, т.е. между «он уехал» и «он уехатчи» и т.д.» [Там же] и под.); лексических («Как говорят у Вас чаще: конь или лошадь; орать или пахать; пахать (хлеб) или рушать, или резать; волочить или бороновать (боронить) или скоро-дить; зыбка – люлька; баской – красивый; мести (пол веником), или пахать?» [Там же. С. 16]).

Наряду с вопросами, направленными на экспликацию собственно лингвистической информации, в разделе «Вопросы, общие для всех говоров» автор пытается получить этнолингвистическую и лингвогеографическую информацию, что также соответствует его научным интересам, но не связано напрямую с целью использования данной Программы: «Кроме того, было бы желательно, если бы Вы дали список слов, употребительных в известной Вам местности, например: названий построек, частей избы, сельскохозяйственных орудий, домашней утвари, одежды (и частей одежды), животных, хлебных и полевых растений, кушаний...» [15. С. 16], «Укажите, не изменяется ли в чем-нибудь говор старожиллов под влиянием переселенцев и обратно, не отличает-

---

¹ Здесь и далее курсив и полужирный шрифт, а также знаки пунктуации соответствуют типографскому варианту представления текста Программы; авторская орфография сохраняется в словах, выполняющих функцию примеров диалектного произношения.

ся ли говор молодежи от говора старшего поколения, а если изменяется, то в чем именно» [15. С. 16].

Характер вопросов отражает особенности сбора информации, свойственные диалектологической парадигме начала XX в., когда полевая лингвистика еще только зарождалась. В соответствии с этим респонденты выполняли роль «посредников» между ученым-исследователем и носителем диалекта, производя промежуточную оценку особенностей говорения последних.

При этом такая оценка, согласно характеру вопросов, не была абсолютно бытовой, полностью лишенной профессиональных оснований.

Как пишет сам автор, в качестве основных респондентов предполагались студенты историко-филологического факультета Томского университета, прибывшие на учебу из разных местностей: «Ее экземпляры я широко распространял среди студентов Историко-филологического и (в бытность мою проректором) других факультетов, а также рассылал. Благодаря этому было получено не малое число ответов на вопросы этой программы из разных мест Сибири, но преимущественно Западной» [13. С. 28]. Для работы с Программой респонденты должны были владеть литературной нормой и обладать первичными базовыми знаниями в области теории языка. В связи с этим вопросы формулируются с использованием указаний на специальные характеристики языковой системы («Как произносят родит.-винит. пад. ед. ч. женск. рода местоимения 3 го лица: *её* или *ее*? Или, быть может, у Вас говорят *ее* или *её* только в родит. пад., а в винит. – *яну*, *ею* или *ю*?» [15. С. 13]), особенности диалектных норм разных территорий России («Произносят ли *ч* мягко, по-московски: дочь, *бочька*, *чистый*, *чяй*, *черьви*, молчи, или твердо: дочь, *бочька*, *чыстый*, *чэрьви*, молчы, чай (вроде, как «тшай»)» [Там же. С. 10]) и под.

Установка на владение респондентов литературной нормой выражается в направленности вопросов на фиксацию ее нарушения: «Не пропускают ли у Вас *д* после гласного перед *и*, например: лошай, гляи, погои вм. лошади, гляди, погоди?» [15. С. 12], «Не произносят ли у Вас *мм*, *гм* вместо *бм*: *омман* или *огман*, *ни* вместо *дн*: *ланно*, *обинно*, на *нно* (на дно), *досанно*?» [Там же].

1.2. Особый интерес представляют рукописные пометы, выполненные разным почерком, чернилами разного оттенка и карандашом. Их содержание и расположение на страницах позволяет предполо-

жить, что они сделаны (1) исследователем и (2) респондентами, отвечающими на анкетные вопросы. Большинство помет сделаны на русском языке, отдельные – на чешском.

1. Среди помет (предположительно) исследователя можно выделить: записи, связанные с организацией исследования; записи, оформляющие исследовательские метаданные; комментарии к ответам респондентов. Перечисленные типы помет отражают содержание диалектологической деятельности на основании Программы.

2. Пометы респондентов включают: ответы на вопросы Программы, выполненные при помощи подчеркивания или словесной записи; дополнительные комментарии к собственным ответам.

Рассмотрим в качестве примера пометы, зафиксированные в одном из экземпляров Программы.

Созданный в Томске и предназначенный для распространения в основном среди томских студентов текст анкеты во введении содержал томский адрес, по которому «ответы на программу и записи произведений» [15. С. 2] автор просил высылать. В рассматриваемом архивном экземпляре томский адрес перечеркнут, над ним между строк от руки на чешском языке вписан адрес в Прешове (где А.Д. Григорьев работал до переезда в Прагу [2. С. 88]). Один из исследователей отмечает, что это эмигрантский адрес А.Д. Григорьева [7]. Как пишет этот же исследователь, «дополнительную, хотя, на наш взгляд, и не совсем надежную информацию ученый черпал у сибирячек, вышедших замуж за чехословацких легионеров» [Там же]. Таким образом, это помета, связанная с организацией исследования: сбор диалектологической информации с использованием Программы продолжался и в период работы А.Д. Григорьева в Чехословакии.

Об этом же свидетельствуют пометы, содержательно относящиеся к метаданным. Так, вверху страницы, начинающей собственно анкетную часть Программы, имеется запись, фиксирующая название города (Прешов) и год (1929 г. – время, когда А.Д. Григорьев жил в Прешове [2]) и означающая, вероятно, место и время сбора материала.

К метаданным относятся и рукописные записи имени респондента (на русском языке), чешского адреса (на чешском) и, вероятно, места, где он жил в России (на русском языке). Соответственно – результаты анализа говора, бытующего там (Ашлыкская волость Тобольской губернии), представлены в анкетных ответах.

Исследовательские комментарии к ответам респондентов спровоцированы либо их непониманием поставленной задачи, либо недостаточностью приведенных ими сведений. Так, в анкете есть вопрос: «Как произносится *е* перед ударением ...г) или, наконец, как *е* везде: слеза, слезы, слезу, слезой...» [15. С. 4]. Отвечая на него, респондент подчеркивает все приведенные примеры и в печатном изображении словоформы «слезы» от руки исправляет «е» на «ё». На полях в виде рукописной пометы имеется исследовательская реакция на ответ: «? ударение слёзы или слезы», что фиксирует неверную интерпретацию респондентом поставленного вопроса. Ответ на последний вопрос анкеты «В каких еще селениях слышится такой говор, как в Вашем селении?» [Там же. С. 16] респондент формулирует следующим образом: «Во всем Тобольском округе. Старожилы – переселенцы, а речь молодого поколения исправлялась на московское наречие». К этому ответу исследователь представляет следующие рукописные комментарии, направленные на уточнение полученной информации: «Жители – старожилы или переселенцы? Чей это говор – старого поколения старожилов?».

Большинство ответов респондентов выполнены в виде подчеркивания выбранных из предложенных в печатном тексте вариантов, что соответствует построению большинства вопросов Программы. Второй по частотности способ представления помет такого типа – записи ответов респондентов. Большинство ответов респондент приводит кратко, без комментариев, форма ответа прямо соответствует форме вопроса. Например, отвечая на вопрос «Не произносят ли *е* вместо *я* под ударением, например в словах: грезь, петь, дедя, в шлепе, хозеин?» [15. С. 8], респондент подписывает «Нет», вопрос «Произносят ли *ё* вместо *е* перед ударением, например: гнёздо, звёзда, в лёсу, рёка, пётух?» [Там же. С. 5] сопровождается пометой «Не произносят». Реагируя на заданную в Программе общую установку сопоставлять диалектное произношение с литературным, в нескольких случаях респондент отвечает «Произносят правильно», «Правильно» не только на вопросы, где такая установка проявлена формально («Встречается ли у Вас тв. п. ед. ч. вместо предложного от прилагательных и местоимений, напр.: в эфтим доме, о вторым часу, на жолтым песку?» [Там же. С. 13] и под.), но и на вопросы, где она имплицирована («Как произносится 1-ое лицо ед. числа изъявительного наклонения глаго-

лов: любить, кормить, спать /.../ и т.п.: люблю, кормлю, сплю, прошу /.../, или люблю, кормю, спю, прошю /.../ и т. п.?» [15. С. 14]].

Комментарии к собственным ответам фиксируются в пометах респондентов единично, но само их появление на страницах Программы свидетельствует об особом статусе спровоцировавших их вопросов в восприятии респондента. Содержание таких комментариев также имеет выраженную эмоциональную ориентацию. Например, отвечая на вопрос «Не говорят ли у Вас: каво делать, каво говорить и т.д. (вм. что делать, что говорить), кем надеться (вм. чем покрыться) и т.п.?» [Там же. С. 15], респондент помещает на широком нижнем поле страницы следующий рукописный текст: «Говорят и много пришлось бороться в школе, чтоб отучить от таких выражений¹». Кроме того, вероятно, пытаясь активнее выразить особенности оцениваемого произношения, респондент от руки дважды исправляет типографскую фиксацию буквы А в слове «каво» на О.

2. Рукописные записи речи сибиряков, сделанные в рамках диалектологических экспедиций.

Материалы сибирских диалектологических экспедиций представляют собой карандашные или чернильные рукописные записи, сделанные на отдельных листах бумаги или сброшюрованные. Визуально (по внешней оценке почерка) записи выглядят как выполненные рукой одного человека – вероятно, А.Д. Григорьева.

В записях используется смешанный – фонетико-орфографический – тип фиксации речи информантов: важные для исследователя фонетические особенности записывающий передает с помощью букв, отражающих звучание слова, а не его орфографическую форму. Специфика использования способа записи фонетических особенностей, зафиксированных А.Д. Григорьевым в его диалектологических трудах, соответствует его исследовательским установкам. Так, анализируя результаты работы коллег, он пишет: «...было напечатано немало сказок, песен и т.п. памятников народного творчества, записанных в Сибири по большей части общепринятым литературным правописанием, что значительно, а иногда и совсем лишает их ценности в диалектологическом отношении» [13. С. 36].

---

¹ Авторская пунктуация сохранена.

Среди материалов экспедиций большую часть составляют ответы на вопросы вышеописанной анкеты [11], представленные под соответствующими номерами. В отличие от материала анкетной части Программы, ответы на эти вопросы зафиксированы самим исследователем, вероятно, в рамках личной беседы с информантами.

Кроме того, представлены отдельные записи развернутых связанных речевых произведений жителей сибирских сел. Они предваряются паспортными сведениями о месте производимой записи, а также о самих информантах, например: «село Бериккуль Тюменевской волости Мариинского уезда Томской губернии, на московском тракте, в 154 верстах на юго-восток от Томска и в 55 верстах на запад от Мариинска, из 16(0) дворов с 1 157 жителями (Список на 1911 год, стр. 448–449). Говор старожилов Дятловых мужчин (Кузьмы, Никиты, сына Андрея) и женщины, матери семейства» [16]. Характер этих сведений свидетельствует о том, что эти записи были сделаны исследователем в период его экспедиционной работы в Сибири, сопровождающей исследовательскую деятельность в Томском университете.

Приведенный пример показывает, что автору важно при записи живой речи зафиксировать те сведения, которые отражают статус говорящего, выясняемый при помощи анкетных вопросов Программы: «старожилом», или «староселом», или «новоселом» является говорящий. На решение этого же вопроса направлены и дополнительные сведения, которые в отдельных случаях фиксирует собиратель: «Жена старожилка. Муж был 10 лет на железной дороге, а теперь уже давно занимается опять крестьянством» [16]. Отметим, что последовательно информацию о роде деятельности собеседника автор не фиксирует.

Вот небольшой фрагмент записи речи жителей села Бериккуль Тюменевской волости Мариинского уезда Томской губернии, иллюстрирующий специфику фонетико-орфографической записи: «Шшыли у нас. Сапожник на квартири стаит, так он шшыл. Ришная вада. Таперь пришло время – ложки панадабились. Из даму вазьмут, и гребни идут. Он способный ка всиму. С нагами з голоду уш умирают, а он биз наги. Маня! приниси пагано ведро, а то пабижит! Чё дѣлали? За фсё время скапили! Может смяшацца. Лучше аскабли иво ложичкой. Лишнаво ничиво нѣт. Бѣмса, как придѣтца. Двести пудоф взяли аднаво хлѣба, аставили три пуда. Чяю гдѣ взять? Как-нибудѣ Бог даст прабѣмса...» [16]. Отметим, что в записи, предваряемой пометой «мужчина» и «женщина», никак (ни

графически, ни пунктуационно) не разграничиваются реплики участников полилога, не фиксируются и реплики-стимулы собирателя: запись сделана исключительно для решения задачи выявить системные фонетические, грамматические и лексические черты записываемого говора. Но приведенную с указанной целью информацию в отдельных случаях можно использовать для решения проблем, поставленных современными диалектологами в соответствии с антропоцентрическим подходом к анализу диалектного материала. Кроме вышеприведенных случаев отражения пола, профессионального статуса говорящих к значимым в антропоцентрическом аспекте относятся фиксируемые также в отдельных случаях сведения об их возрасте («дети»; «ей 24 года», «мать-старуха»), грамотности («Жена – старожилка, грамотная»), семейном статусе («Говор замужней дочери переселенца»), о хозяйственной специфике деятельности жителей села («Но село раньше представляло первый каторжный завод в Сибири (одновременно с ним основан Боготольский завод)») и др.

Строго следуя установке на фактографическую точность лингвистического исследования, А.Д. Григорьев в одном из случаев указывает: «Материалы для говора извлечены мною из 105 частушек, доставленных мне студентом-филологом Томского университета М. Рышкиным, но следует отметить, что материал записи каждой частушки точнее не указывается» [16]. Далее приводится материал, обработанный согласно требованиям Программы по анкетному принципу, в результате он показывает только фонетико-грамматические особенности исполнения частушек – их жанровая специфика (в том числе – ярко выраженные особенности жанровой лексики) оказывается за пределами исследовательского интереса А.Д. Григорьева – автора и фольклористических работ. Игнорирование жанровых форм подтверждается и тем, что извлеченный из частушек материал автор дополняет материалом, извлеченным из записей бытовой речи жительницы того же села: «Этот материал для Петухова пополнен данными, записанными лично мной от жительницы с. Петухова» [Там же].

Отметим отдельно, что некоторые записи сопровождаются пометами собирателя, не относящимися непосредственно к характеристике говоров, но отражающие исследовательские интересы А.Д. Григорьева как этнографа, например: «Старые люди сибиряки носили ранее широкие шаровары и рубаху с перехватами, со сборами и широким косым воротом» [16].

Таким образом, диалектологические материалы А.Д. Григорьева последовательно отражают специфику исследовательской парадигмы, действующей в лингвистике у истоков диалектологических исследований. При этом пометы, значимые для исследования, проведенного с целью выявления старожильского / новосельческого статуса сибирских говоров, могут быть использованы и для решения современных диалектологических задач. Материалы исследованного архива соответствуют начальной стадии формирования методов полевой лингвистики.

Литература

1. Блинова О.И. Лексикографические проекты томских диалектологов (2007–2017 гг.) // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 125–133.
2. Григорьев Александр Дмитриевич // Профессора Томского университета: Биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1: 1888–1917. С. 86–89.
3. Добродомов И.Г. Дмитрий Николаевич Ушаков // Отечественные лингвисты XX века. М. : Языки славянской культуры, 2017. С. 697–707.
4. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) / науч. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
5. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) / науч. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
6. Соколова В.А. Русские ученые-слависты в Чехословакии между двумя мировыми войнами: 1920–1945 гг. : био-библиографические материалы к истории русской филологии в эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. Т. 4. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/154/> (дата обращения: 15.10.2018).
7. Соучкова М. Научная жизнь А.Д. Григорьева в Чехословакии. Из Ужгорода в Пряшев // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2 : материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 года) / отв. ред. В.М. Гацак, Н.В. Дранникова. Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2004. URL: http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=6&book_sub=6_22 (дата обращения: 20.06.2020).
8. Флоровский А.В. Собрание рукописей А.Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге // Институт русской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 573–580.
9. Русская эмиграция в Польше 1919–1945 – алфавитный указатель / сост. А.Р. Мохоля, П.М. Лавринец // Russia.abroad. 1917–1945. URL: http://www.mos-hola.org/russiaabroad/ruspldb/ruspl_g.htm (дата обращения: 15.10.2018).
10. Григорьев А.Д. Русские говоры западной половины Николаевского уезда Самарской губернии // Известия Томского университета. 1919. Кн. 70. С. 1–25.

11. Григорьев А.Д. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири: Северно-великорусские и средневеликорусские говоры // Известия Томского университета. 1919. Кн. 70. С. 1–16.

12. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия Института исследования Сибири. 1921. № 6. С. 2–84.

13. Григорьев А.Д. Русские старожильческие говоры Сибири. Вып. 1: К изучению русских старожильческих говоров Сибири (Отдельный оттиск из журнала *Slavia*). Прага, 1928. 37 с.

14. Русский зарубежный исторический архив в Праге – документы: каталог документов, хранящийся в Пражской славянской библиотеке и Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копривова, Л. Петрушева. 1-е изд. Прага : Национальная библиотека Чешской республики – Славянская библиотека, 2011. 564 с.

15. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири: Северно-великорусские и средневеликорусские говоры (Оттиск из Известий Томского университета) // Архив Славянской библиотеки при Национальной библиотеке Чешской республики. Фонд: А.Д. Григорьев. 17 с.

16. Материалы диалектологических экспедиций А.Д. Григорьева в районы бытования Сибирских говоров // Архив Славянской библиотеки при Национальной библиотеке Чешской республики. Фонд: А.Д. Григорьев. 17 с.

Dialectological Materials in the Archive of Alexander Grigoriev, the Founder of the Tomsk Dialectological School

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 96–112

DOI: 10.17223/23062061/24/5

Inna V. Tubalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: itu-balova@inbox.ru

Keywords: Alexander Grigoriev, archive, dialectology, linguistic methodology, field linguistics.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme, Project No. 8.1.10.2020.

The article presents an analytical description of the Siberian dialectological materials of the founder of the Tomsk Dialectological School Alexander Dmitrievich Grigoriev, a Russian ethnographer, historian, dialectologist, folklorist, and public figure. Grigoriev's dialectological materials are records of the Russian Siberian dialect speech of the first third of the 20th century. They have practically not been described in the domestic studies and have not been introduced into the research discourse. Grigoriev's research and teaching activities at Tomsk University are Siberian dialectological studies. He investigates the Russian dialects of Siberia, organizes expeditions and actively participates in them. The materials collected during these expeditions were the basis for further research of the Russian dialects of Siberia,

which Grigoriev continued in Czechoslovakia. His personal handwritten and typewritten archival fund is stored in Prague. Part of Grigoriev's Prague archive is housed in the Slavonic Library, a division of the National Library of the Czech Republic (Clementinum, Prague). It is here that the Siberian dialectological materials this article describes are located. The archive under study includes (1) several copies of the publication *Program for Collecting Information Necessary for Compiling a Dialectological Map of the Russian Language in Siberia: North Great Russian and Middle Great Russian Dialects* by A.D. Grigoriev, and (2) handwritten records of the speech of Siberians made during dialectological expeditions. The *Program* was analyzed for its content and the nature of handwritten notes, including researchers' and respondents ones. The expedition materials were analyzed for the information they contain and for the organization of their recording. As a result, it has been revealed that Grigoriev's dialectological materials consistently reflect the specifics of the research paradigm linguistics used at the origins of dialectological studies. The notes that are significant for the study can also be used for solving modern dialectological problems. The materials of the studied archive correspond to the initial stage of the formation of methods of field linguistics.

References

1. Blinova, O.I. (2017) Lexicographic projects of Tomsk dialectologists (2007–2017). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 12. pp. 125–133. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/7
2. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–89.
3. Dobrodomov, I.G. (2017) Dmitriy Nikolaevich Ushakov. In: Berezin, F.M. (ed.) *Otechestvennye lingvisty XX veka* [Russian linguists of the 20th century]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK. pp. 697–707.
4. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first research center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
5. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first research center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
6. Sokolova, V.A. (2009) *Russkie uchenye-slavisty v Chekhoslovakii mezhdru dvumya mirovymi voynami: 1920 – 1945gg.: Bio-bibliograficheskie materialy k istorii russkoy filologii v emigratsii* [Russian Slavists in Czechoslovakia between two world wars: 1920–1945: Bio-bibliographical materials to the history of Russian philology in émigré]. *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya*. 4. [Online] Available from: <http://www.nrgumis.ru/articles/154/> (Accessed: 15th October 2018).
7. Souchkova, M. (2004) *Nauchnaya zhizn' A.D. Grigor'eva v Chekhoslovakii. Iz Uzhgoroda v Pryashev* [Academic life of A.D. Grigoriev in Czechoslovakia. From

Uzhgorod to Prešov]. In: Gatsak, V.M. & Drannikova, N.V. (eds) *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya* [Complex Collecting, Taxonomy, Experimental Textology]. Vol. 2. Arkhangel'sk: Pomorsk State University. [Online] Available from: http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=6&book_sub=6_22 (Accessed: 20th June 2020).

8. Florovsky, A.V. (1960) *Sobranie rukopisey A.D. Grigor'eva v Slavyanskoy biblioteke v Prage* [Collection of A.D. Grigoriev's manuscripts in the Slavic Library in Prague]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. XVI. pp. 573–580.

9. Mokholya, A.R. & Lavrinets, P.M. (n.d.) *Russkaya emigratsiya v Pol'she 1919–1945 – alfavitnyy ukazatel'* [Russian emigration in Poland in 1919–1945 – the alphabetical index]. [Online] Available from: http://www.mochola.org/russiaabroad/rusldbruspl_g.htm (Accessed: 15th October 2018).

10. Grigoriev, A.D. (1919a) *Russkie govory zapadnoy poloviny Nikolaevskogo uезда Samarskoy gubernii* [Russian dialects of the western part of the Nikolaev district, Samara Province]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 70. pp. 1–25.

11. Grigoriev, A.D. (1919b) *Programma dlya sobiraniya svedeniy, neobkhodimyykh dlya sostavleniya dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Sibiri: Severno-velikorusskie i srednevelikorusskie govory* [A program for collecting information necessary for compiling a dialectological map of the Russian language in Siberia: North Great Russian and Middle Great Russian dialects]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 70. pp. 1–16.

12. Grigoriev, A.D. (1921) *Ustroystvo i zaselenie Moskovskogo trakta v Sibiri s tochki zreniya izucheniya russkikh govorov* [Arrangement and settlement of the Moscow tract in Siberia in terms of Russian dialects]. *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri*. 6. pp. 2–84.

13. Grigoriev, A.D. (1928) *Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri* [Russian Old-Timers' dialects in Siberia]. Vol. 1. Prague: [s.n.].

14. Babka, L., Koprivova, A. & Petrusheva, L. (2011) *Russkiy zarubezhnyy istoricheskiy arkhiv v Prage – dokumenty: katalog dokumentov, khranyashchiesya v Prazhskoy slavyanskoy biblioteke i Gosudarstvennom arkhive Rossiyskoy Federatsii* [Russian Foreign Historical Archives in Prague – documents: a catalog of documents from the Prague Slavic Library and the State Archives of the Russian Federation]. Prague: National Library of the Czech Republic – Slavic Library.

15. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. (n.d.) *Programma dlya sobiraniya svedeniy, neobkhodimyykh dlya sostavleniya dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Sibiri: Severno-velikorusskie i srednevelikorusskie govory* (Ottisk iz *Izvestiy Tomskogo universiteta*) [A program for collecting information necessary for compiling a dialectological map of the Russian language in Siberia: North Great Russian and Middle Great Russian dialects (Reprint from “*Izvestiya Tomskogo universiteta*”)]. The Archives of the Slavic Library at the National Library of the Czech Republic. A.D. Grigoriev's Fund.

16. The Archives of the Slavic Library at the National Library of the Czech Republic. (n.d.) *Materialy dialektologicheskikh ekspeditsiy A.D. Grigor'eva v rayony bytovaniya Sibirskikh govorov* [Materials of A.D. Grigoriev's dialectological expeditions to the regions where Siberian dialects were spoken]. A.D. Grigoriev's Fund.